

Рудольф Штайнер
История человечества и мировоззрения
культурных народов.

О Канте, Шопенгауэре и Эдуарде фон Гартмане
Дорнах, 14 мая 1924 г.

Перевод с немецкого А.А. Демидов

http://aenigma.ru/texts/ST353_13.html

Господин Бурле: 22 апреля был день рождения Канта (двухсотлетний юбилей). Нельзя ли попросить господина доктора немного рассказать нам об учении Канта(46), а также о том, что можно рассматривать в качестве противоположности этому учению; и не является ли сегодня антропософское учение таковой противоположностью?

Доктор Штайнер: Господа, если я должен буду отвечать на этот вопрос, вам придется сегодня последовать за мной в область, несколько более трудную для понимания. Но господин Бурле, ранее ставивший вопрос о релятивизме, о теории относительности, всегда задает трудные вопросы! Так что вам, пожалуй, придется сегодня быть готовыми к тому, что этот материал окажется для понимания не столь легким, как то, о чем я сообщал в иных случаях. Однако, видите ли, о Канте невозможно рассказывать в легкой для понимания форме, поскольку он сам по себе понимается нелегко. Дело тут обстоит так, что сегодня весь свет, который вообще — я не хочу сказать «интересуется этим предметом», ибо по-настоящему интересуются этим очень немногие, но делает вид, что интересуется этим, — весь свет говорит о Канте как о чем-то исключительно важном для мира. Ведь и вы тоже знаете, что к этому двухсотлетнему юбилею было написано целое множество статей, цель которых — разъяснить миру, какое огромное значение имел Иммануил Кант для всей духовной жизни.

Видите ли, уже мальчиком я часто слышал в школе от преподавателя истории литературы: «Иммануил Кант был императором литературной, просвещенной Германии!» Однажды я оговорился и сказал «был королем литературной Германии». Преподаватель немедленно поправил меня и сказал: «Императором литературной Германии!»

Мне приходилось чрезвычайно много заниматься именно Кантом, причем — об этом я упоминаю в своей биографии — в течение некоторого времени у меня был учитель истории, который всегда читал вслух из каких-то книг; тогда я подумал, что и сам могу читать все это дома. Однажды, когда он вышел, я подсмотрел, что же это он читает вслух, и стал добывать для себя то же самое. Это удалось. Я достал

«Критику чистого разума» Канта издания «Рекламной универсальной библиотеки»: ее я расброшюровал и подшил в мой школьный учебник, который лежал передо мной во время занятий; так я читал Канта, в то время как учитель вел урок истории. Поэтому я со всей ответственностью отваживаюсь говорить о Канте, о котором все и без того говорят без умолку; люди, если им скажешь что-то на духовные темы, тут же возражают: «Да, но ведь Кант сказал!» Как в богословии всегда говорят: «в Библии сказано», так многие, в сущности, образованные люди говорят: «Да, но ведь Кант сказал!» Двадцать четыре года тому назад я читал лекции; при этом я познакомился с одним человеком, который, сидя в аудитории, постоянно спал, он всегда слушал в сонном состоянии; лишь иногда, если мне приходилось повышать голос, он просыпался, подпрыгивал, как ванька-встанька, и восклицал: «Да, но ведь Кант сказал!»

Ну, а теперь давайте посмотрим, как, собственно, этот Кант рассматривает мир. Он говорил, причем с известным правом: все то, что мы видим, что мы чувствуем, короче, все, что мы воспринимаем с помощью органов чувств, следовательно, вся природа, находящаяся вне нас, не есть действительность, но есть лишь видимость, явление. Но откуда же возникает это явление? Оно возникает из-за того — это наиболее трудное, и вы должны в этом как следует разобраться, — что на нас воздействует нечто, названное Кантом «вещью в себе», то есть нечто совершенно неизвестное, о чем мы вообще ничего не знаем, воздействует на нас; это воздействие, которое мы, в сущности, и видим, само не является «вещью в себе».

Итак, смотрите, господа, если я вам это нарисую, то выглядеть это будет так: здесь находится человек — можно было бы с таким же успехом взять чувство слуха или чувство осязания, но мы предпочтем чувство зрения — а где-нибудь здесь, снаружи, находится «вещь в себе». О ней, однако, мы ничего не знаем, она совершенно неизвестна, о ней не знают ничего. Но данная «вещь в себе» оказывает воздействие на наш глаз. Хотя мы ничего о ней и не знаем, она оказывает воздействие на наш глаз. И вот, внутри человека возникает теперь явление; это явление мы проецируем во все стороны, подобно птице, распушающей перья, оно становится внешним миром (указывается на рисунке). О том, что нарисовано на рисунке красным, мы не знаем, мы знаем только о том, что мы имеем в качестве явления, то есть о том, что я изобразил фиолетовым цветом: лишь об этом мы кое-что знаем. Следовательно, по Канту мир создается в целом самим человеком. Вы видите дерево; о «дереве в себе» вы совершенно ничего не знаете. Это «дерево в себе» только оказывает воздействие на вас, что означает: нечто неизвестное откуда-то оказывает на вас воздействие, и это воздействие вы сами превращаете в дерево, в вашем восприятии вы воздвигаете это дерево. Итак, представьте себе, господа: здесь находится стул, сидение — как «вещь в себе». Чем она является на самом деле, неизвестно; но то, что есть тут, оказывает на меня воздействие. И, в сущности, я произвожу, создаю этот стул. Так что если я сажусь на этот стул, я не знаю, на какую «вещь в себе» я уселся.

Эту «вещь в себе», то, на что я уселся, я сам себе, в сущности, и подставляю.

Видите ли, Кант говорит о границах познания: никогда нельзя знать, чем является «вещь в себе», потому что все, по существу, является лишь миром, созданным человеком. Очень трудно сделать «вещь в себе» доступной для понимания. И если задают вопрос о Канте, то для того, чтобы действительно познакомиться с ним, характеризовать его, приходится говорить о довольно необычных вещах. Ведь если рассматривают философию Канта как она есть, бывает трудно поверить, что вещи действительно таковы. Дело, однако, обстоит так: Кант, исходя из теории, исходя из мышления, утверждает: о «вещи в себе» знать ничего нельзя, а весь мир создан всего лишь из того воздействия, которое мы получаем от этих вещей (в себе).

Однажды я говорил: если человек не знает, чем является «вещь в себе», то она может оказаться чем угодно, она может быть, например, хоть шляпкой от гвоздя! Это есть также и у Канта. Было бы правильным сказать: по Канту «вещь в себе» может состоять из чего угодно. Но здесь мы подходим к дальнейшему: если придерживаться этой теории, то все вы, как я вас вижу здесь, являетесь лишь моим проявлением; я посадил вас всех тут на стулья и не знаю, что стоит за каждым из вас как «вещь в себе». И опять-таки, когда я стою здесь, то вы тоже не знаете, что за «вещь в себе» тут находится, но вы видите явление, которое вы сами воздвигли. А то, что я говорю, это то, что вы сами делаете слышимым! Следовательно, то, что я здесь делаю, — это «вещь в себе», которая это делает тут и которую вы все не знаете; но эта «вещь в себе» оказывает на вас воздействие; вы отбрасываете, проецируете это воздействие сюда. Вы, в сущности, слышите то, что вы сами создаете!

Взяв этот пример, можно, если рассуждать в кантовском духе, сказать: пусть вы сидите снаружи, завтракаете, и говорите: давайте сейчас войдем в зал и в течение часа послушаем то-то и то-то. Чем является «вещь в себе», которую мы слышим, этого мы знать не можем, но мы увидим тут этого Штайнера, так что мы — по крайней мере, в течение часа — будем иметь дело с этим «явлением», и при этом услышим то, что мы хотим услышать. Это наиболее близко к тому, что говорит Кант, ведь он утверждает: о «вещи в себе» никогда и ничего узнать нельзя.

Видите ли, один последователь Канта, Шопенгауэр(47) считал эти вещи настолько очевидными, что говорил: в этом даже сомневаться нельзя! Совершенно несомненно, говорил он, что когда я вижу синий цвет, синее находится не снаружи, но это синее проецируется туда мною самим, если «вещь в себе» оказывает на меня воздействие. Если я слышу там, «снаружи», что кому-то больно, и он стонет, то и боль, и стоны исходят не от него, но от меня! Это, как говорит Шопенгауэр, совершенно ясно, очевидно. А если человек закрывает глаза и спит,

весь мир помрачается и немеет; тогда для человека тут совсем ничего нет.

Так что, господа, по этой теории вы можете самым примитивным способом создавать и устранять этот мир. Вы засыпаете, и мир исчезает; вы снова просыпаетесь, и снова создаете весь мир, — по крайней мере, тот, который видите. Кроме этого, здесь остается только «вещь в себе», о которой вы не знаете. Именно это Шопенгауэр считал вполне очевидным. Однако при этом Шопенгауэру все же становилось немного жутко. От этого тезиса он чувствовал себя неловко. Тогда он сказал: по крайней мере кое-что находится снаружи (то есть вне «вещи в себе» — прим. перев.), а именно синее и красное, тогда как холодное и теплое не находятся снаружи. Если я мерзну, то я сам создаю этот холод, — однако то, что находится вовне, снаружи, есть воля. Во всем живет воля. И эта воля является совершенно свободной демонической властью. Но живет она во всех вещах.

Итак, он все же чуть-чуть внедрился в «вещь в себе». Все, что мы представляем, он тоже рассматривал как чистое явление, производимое нами самими; но «вещь в себе» он наделял, по крайней мере, волей. Было много людей, да и по сей день есть много людей, не представляющих ясно, каковы следствия из учения Канта. Однажды я познакомился с человеком, который — что, в сущности, и должно быть, если человек следует учению — совершенно проникся учением Канта. Он сказал себе так: «Ведь я сам создал все — горы, облака, звезды, все, все и человечество тоже создал я сам, и все что ни есть на свете создал я сам. Но мне не нравится то, что я создал. И я хочу снова уничтожить все это». И тут он говорит: «Я начал с того, что уже уколошил пару человек», — ведь это был умалишенный. Он рассказал, что для начала уже уничтожил пару человек, чтобы исполнить свое намерение по уничтожению того, что он сам создавал. Я сказал ему, что следует задуматься над тем, в чем состоит разница такого рода; у него есть пара башмаков. По теории Канта их сделал он. Но пусть он задумается над тем, что, кроме того, что он создал эти башмаки — как явление, — над ними ведь поработал еще и сапожник!

Вы видите, как обстоит дело: в том, что в мире зачастую пользуется наибольшей славой и известностью, содержится величайшая бессмыслица! И за эту величайшую бессмыслицу люди порой цепляются с поразительной твердолобостью. Наиболее курьезно то, что придерживаются этого учения именно просвещенные люди.

То, что я рассказываю вам вкратце, исключая то, что действительно трудно для понимания, человеку, читающему Канта, пришлось бы вычитывать во многих книгах, так как у него все это разбросано при изложении длинной-длинной теории. Например, Кант начинает свою книгу «Критика чистого разума» — так он назвал ее — с того, что, прежде всего, доказывает: пространство находится не снаружи в мире;

его я создал сам, я выпрядаю его из себя. Итак, во-первых, пространство — это явление. Во-вторых, время — это тоже явление. Ибо тут сказано: когда-то был Аристотель — но его я сам сотворил во времени, ибо время в целом создаю я сам.

Кант написал эту большую книгу — «Критику чистого разума»; она производит довольно привлекательное впечатление. Если истинный филистер получает в руки толстую книгу «Критика чистого разума», то он облизывает пальчики: ведь это нечто страшно умное — «Критика чистого разума». Читая нечто подобное, человек ощущает себя вроде Господа Бога на земле! Затем, после введения, значит: «Часть первая. Трансцендентальная эстетика». Ведь, не правда ли, тут идет: «Трансцендентальная эстетика»? Когда кто-то раскрывает мою «Философию свободы»(48), то там, в первой части стоит всего-навсего: «Человек и мир». Тоже мне — человек и мир, ведь это так тривиально, что и читать не стоит. Но вот трансцендентальная эстетика! Такую книгу филистер раскрывает как нечто грандиозное! Что такое трансцендентальная эстетика, об этом он обычно не думает, но именно это ему как раз и подходит: ведь это такие слова, что, выговаривая их, можно вывихнуть язык. Это основной заголовок (книга разделена на три отдела; «Введение», «Трансцендентальное учение о началах», «Трансцендентальное учение о методе». В разделе «Трансцендентальное учение о началах» часть первая названа «Трансцендентальная эстетика» — прим. перев.).

Затем идет подзаголовок: «Глава первая. Трансцендентальная дедукция пространства» (в издании под ред. Асмуса (М.: Мысль, 1964) дано: «Глава первая. О пространстве. Параграф 3. Трансцендентальное истолкование понятия пространства — прим. перев.). Для филистера нельзя и придумать ничего более прекрасного, чем подобная глава. Правда, глава начинается таким образом, что филистер, в сущности, ничего не поймет. Однако более ста лет каждый твердит: Кант — великий человек. Так что, читая Канта, и сам филистер проникается некоторой манией величия.

Затем идет вторая глава: «Трансцендентальная дедукция времени» (в вышеупомянутом русском издании вторая глава именуется: «О времени», тогда как о трансцендентальной дедукции речь идет во второй части отдела «Трансцендентальная логика. Глава вторая. О дедукции чистых рассудочных понятий, раздел 1, параграф 13, 14 и т.д. — прим. перев.). Если человеку удастся одолеть трансцендентальную дедукцию пространства, он приходит ко второй части: «Трансцендентальная аналитика» (в вышеупомянутом издании «трансцендентальная аналитика» выступает в качестве первого отдела второй части, озаглавленной «Трансцендентальная логика» — прим. перев.). И в трансцендентальной аналитике доказывается главным образом то, что человек обладает трансцендентальной апперцепцией (термин «апперцепция» был введен Лейбницем и означает осознанное восприятие в отличие от «перцепции», обычного восприятия: у Канта

термин «трансцендентальная апперцепция» означает изначальное единство сознания познающего субъекта, которое обуславливает единство опыта. — прим. перев.).

Господа, раз уж мне был задан вопрос, придется говорить вам об этих вещах, об этой истории с трансцендентальной апперцепцией. Надо было бы прочесть много сотен страниц для того, чтобы вобрать в себя все, что ученая эрудиция наболтала в этой главе о трансцендентальной апперцепции. Под трансцендентальной апперцепцией подразумевается то, что человек сам создает свои представления и обуславливает единство процесса представления. Итак, если все является лишь представлением — весь мир, — то, следовательно, весь этот мир должен быть выткан, извлечен подобно нити из ничтожества собственной сущности. Вот что примерно описывается там.

Теперь подходим к следующему: в главе о трансцендентальной апперцепции Кант, подобно пауку выплетает из самого себя целый мир со всеми деревьями, облаками, звездами и т.д. Да, он выплетает, ткет его, так он говорит. Однако то, что ему действительно удалось выплести и с чем приходится постоянно сталкиваться в этой исключительно обширной главе, оказывается на поверку именно теми же самыми представлениями — лишь переделанными на более поздний лад, — о которых я на последнем занятии говорил вам, рисуя древо Сефирот. Причем Кант дает их в чисто алфавитной форме, а не так, чтобы с их помощью можно было что-то прочесть, что-то узнать! (см. предшествующую лекцию — прим. перев.) К тому же когда-то это было, по крайней мере, нечто совершенно конкретное. Но Кант выплел все это так, что сказал: мир состоит, во-первых, из количеств, во-вторых, из качеств, в-третьих, из отношений, в-четвертых, из модальностей. Затем каждое из этих понятий, в свою очередь, имеет три подпонятия: например, количество включает в себя единство, множественность, всеобщность. Качество включает в себя действительность, отрицание, ограничение и т.д. Это были двенадцать понятий — три раза по четыре будет двенадцать, — и из них человек мог выплести мир. Однако милейший Кант тем самым не выплел, извлекая из себя, всего мира; он, с помощью трансцендентальной апперцепции, выплел всего-навсего двенадцать понятий. Итак, не мир в целом создал он, а только двенадцать понятий. (Данные понятия приведены у Канта — в указанном выше издании — на с. 175, параграф 10 «О чистых рассудочных понятиях или категориях» в главе первой «Аналитика понятий» в таблице под названием:

ТАБЛИЦА КАТЕГОРИЙ

1. КОЛИЧЕСТВА

Единство

Множественность

Целокупность (всеобщность)

2. КАЧЕСТВА ОТНОШЕНИЯ

3.

Реальность
Присущность и самостоя-
тельное существование
Отрицание

Ограничение
Причинность и зависимость

Общение

4. МОДАЛЬНОСТИ

Возможность — невозможность

Существование — несуществование

Необходимость — случайность

Таков перечень всех первоначальных чистых понятий синтеза, которые рассудок содержит в себе a priori и т.д.» — прим. перев.).

Если бы в этой теории была доля правды, то должно было бы хоть что-нибудь получиться. Но филистеры не замечают, что ничего не получилось, а получились всего-навсего двенадцать понятий; филистеры с сытым брюхом шествуют теперь по всему миру с этой философией Канта и говорят: ничего познать нельзя! Ну, в отношении самих филистеров это понятно; они чувствуют себя очень уютно, если

им говорят: хоть вы и не можете ничего познать, но дело не в вас самих, ведь и весь мир таков. Если ты считаешь, что ты ничего не знаешь, то в этом ты прав: но это происходит не от твоей неспособности, а оттого, что весь мир ничего не может познать. И вот появляются эти двенадцать понятий. В этом и состоит трансцендентальная аналитика.

Теперь, однако, мы подходим к исключительно трудной большой главе под названием «О трансцендентальных паралогизмах». Это продолжение. В Кантовой «Критике чистого разума» одно высокопарное заглавие следует за другим! Тут говорится: есть люди, утверждающие, что пространство бесконечно. Затем приводятся доказательства этих людей, считающих, что пространство бесконечно. Но есть и такие люди, которые говорят: пространство конечно, ограничено. Здесь тоже показано, какие доказательства при этом приводят эти люди. Так что в «Критике чистого разума» вы найдете, — в последующей главе (об антиномиях — прим. перев.) эти доказательства приводятся всюду на двух противоположных страницах, — на одной странице доказывалось: пространство бесконечно. На другой странице доказывалось: пространство конечно. Затем снова доказывалось: время бесконечно, является вечностью. Затем доказывалось: время имеет начало и будет иметь конец. Так это делает Кант, господа. Затем идет доказательство: человек свободен. И снова, с другой стороны: человек несвободен.

Что хочет сказать Кант тем, что дает доказательства двух противоположных тезисов? Он хочет сказать тем самым: мы вообще не можем ничего доказать! Мы можем с равным успехом утверждать: пространство конечно, как и бесконечно; времяечно и время закончится! С равным успехом мы могли бы сказать: человек свободен или человек несвободен. Это, следовательно, сводится к тому, что в настоящее время человек должен сказать: думайте, как хотите, к истине вы все равно не придете, но для вас, людей, это безразлично.

Затем указывается на то, что можно мыслить так, как этому учит трансцендентальная методика. (вторая половина книги озаглавлена: «Трансцендентальное учение о методе», — прим. перев.). Для этого нужно, прежде всего, проштудировать книгу Канта. Тут можно было бы спросить: а для чего, в сущности, Кант все это предпринимает? И тогда можно прийти к тому, чего же он хочет на самом деле. Видите ли, до Канта люди, занимавшиеся философией, тоже знали не особенно много, но они, по крайней мере, утверждали: кое-что о мире знать все же можно. Им противостояли те — такая ситуация сложилась еще в период средневековья, ведь, как я вам показал, еще в течение средневековья было утрачено древнее знание, — кто еще со времен средневековья прониклись мыслью: знать можно только то, что сообщают чувства, органы восприятия, но нельзя знать о том, что имеет отношение к духу. В это можно только верить. Так в ходе всего средневековья, вплоть до Канта складывалось утверждение: о духовном знать ничего нельзя; в духовное можно только верить.

Естественно, что церкви было вполне на руку такое учение; что невозможно ничего знать о духовном, надо лишь верить в это, поскольку в этом случае церковь сама могла диктовать, в какого рода духовность следует человеку верить.

Как уже говорилось, были философы — Лейбниц(49), Вольф(49а) и так далее, вплоть до Канта утверждавшие, что, по крайней мере, кое-что знать можно; посредством чистого разума можно знать о том, что в мире существует духовное. Кант же сказал: это полнейшая бессмыслица верить в возможность что-либо знать о духовном, нет, во все духовное можно только верить! Ведь духовное заключено в «вещи в себе». А о «вещи в себе» знать ничего нельзя. Следовательно, во все, что относится к духовному, можно лишь верить. Кант, написав второй вариант (второе издание) «Критики чистого разума», выдает себя. В этом втором издании помещается курьезная фраза, там говорится: «Я должен был потеснить, дискредитировать знание, чтобы освободить место для веры». Ведь это, по существу, вероисповедание, господа! Вот то, что привело к непознаваемой «вещи в себе»! Вот почему Кант назвал свою книгу «Критика чистого разума»; сам разум должен быть подвергнут критике, утверждающей, что он, разум, ничего не может знать! В этой фразе: «Я должен был потеснить знание, чтобы освободить место для веры» — в этой фразе и заключается, в сущности, истинное содержание Кантовой философии. Но тем самым распахиваются врата для любой веры. И, в сущности, любая позитивная религия могла бы сослаться на Канта! Но на Канта могли бы также сослаться и те люди, которые говорят: так почему же мы ничего не знаем? Да потому, что ничего знать нельзя! Видите ли, так учение Канта стало, по существу, опорой для веры. Поэтому вполне естественно, что я сам должен был с самого начала отвергнуть Кантово учение. Несмотря на то, что я, будучи еще школьником, уже прочел всего Канта, я должен был всегда всецело отвергать Кантово учение по той простой причине, что иначе пришлось бы остановиться на том, что люди просто верят в духовный мир; при этом никогда не удалось бы создать никакой духовной науки. В сущности, Кант является тем, кто отклоняет всякую духовную науку и хочет иметь одну лишь веру.

Итак, Кант написал сначала первую книгу — «Критика чистого разума». В этой «Критике чистого разума» доказывается следующее: о «вещи в себе» ничего узнать невозможно. Можно иметь лишь веру в то, чем является «вещь в себе».

Затем он написал вторую книгу — «Критика практического разума». Он написал и третью книгу «Критика способности суждения», но это уже не так важно. Итак, «Критика практического разума» была написана им как вторая книга. Здесь он создает очерк собственной веры. Сначала он написал книгу о знании — «Критику чистого разума». В ней он доказывает, что ничего знать нельзя. Теперь филистер может отложить

книгу: ведь ему доказали, что ничего знать нельзя. Затем Кант пишет «Критику практического разума»; здесь он формулирует свою веру. Как же выстраивает он свою веру? Тут он говорит: человек, рассматривая себя в мире, обнаруживает, что он является несовершенным существом; однако же быть несовершенным не свойственно человеку. Следовательно, где-то должно иметься большее совершенство человека. Мы ничего даже и не знаем об этом; но мы верим в то, что где-то на Земле должно иметься большее совершенство человека, мы верим в бессмертие.

Видите, господа, это существенно отличается от тех научных обозрений, которые я даю вам по вопросу о том, что в человеке продолжает жить дальше, после того, как он прошел через смерть! Однако Кант вовсе не хотел познания такого рода, он попросту хотел из несовершенства человека вывести доказательство того, что человек обязан верить в бессмертие.

Точно так же, как то, что человек обязан лишь верить, Кант доказывает затем, что ничего нельзя знать о свободе, но следует верить, что человек свободен; ведь не будь он свободен, он не был бы ответствен за свои поступки. Итак, полагают: чтобы он мог быть ответствен за свои поступки, он должен быть свободен.

Это Кантово учение о свободе часто напоминает мне о другом «учении», которым один профессор юриспруденции всегда предварял начало своего лекционного курса. Он говорил: господа, есть люди, которые говорят: человек несвободен. Но, господа, если бы человек не был свободен, он не был бы ответствен за свои дела. Но тогда не могло бы быть и наказания. Но если бы не было наказания, то не было бы и уголовного права, науки о наказании. Однако я являюсь представителем этого уголовного права — следовательно, и меня тоже бы не было. Но я существую, следовательно, существует и уголовное право, наука о наказании. Следовательно, существует и наказание, а значит, существует и свобода. Итак, я доказал вам, что свобода есть! То, что говорит Кант о свободе, целиком напоминает мне речь этого профессора. Точно так же говорит Кант и о Боге. Он говорит: нельзя знать о какой бы то ни было «власти в себе» (*Macht an sich*). Но ведь слона я не могу создать; следовательно, я верю, что его может создать кто-то другой, который может сделать больше, чем я. Следовательно, я верую в Бога.

Так вот, Кант написал эту вторую книгу — «Критика практического разума». В ней он говорит, что мы, как люди, обязаны веровать в Бога, в свободу и в бессмертие. Знать об этом мы не можем, но веровать обязаны. Вы только представьте себе, как это бесчеловечно: сперва было доказано, что знание есть ничто; во-вторых, что человек обязан веровать в Бога, о котором он ничего не может знать, веровать в свободу и в бессмертие! В сущности, Кант был величайшим

реакционером. Люди любят красивые слова: поэтому они назвали Канта «всесокрушающим». Да, знание он «сокрушил» целиком, однако так, как если бы он сокрушил, разломал игрушку. Ведь мир вопреки всему этому остается! остается и вера, которой он оказал весьма существенную поддержку.

Это продолжалось в течение всего XIX столетия, пока не перешло в наше (XX) столетие. И вот сегодня, естественно, люди повсюду пишут по поводу двухсотлетия со дня рождения Канта! В действительности же именно Кант является примером того, как мало люди, в сущности, думают. Ведь то, что я сейчас рассказал вам, является точным изображением учения Канта. Однако то, что люди говорят: Кант был величайшим философом, Канту вообще нечего возразить и так далее, является примером, с очевидностью обнаруживающим то, что именно на Канта всегда могут опираться противники духовной науки. (Одним из таких противников во второй половине жизни стал широко известный русскоязычный антропософ и оккультист Валентин Томберг (1900—1973): не отрицая антропософии как таковой, он утверждал, что она не является духовной наукой, так как, по Томбергу, духовная наука именно как наука, в принципе невозможна, а духовные вопросы являются исключительно объектом веры. Как может видеть читатель, данная мысль не нова и является простым повторением основного положения Канта, а стало быть, критика, высказываемая Р. Штайнером в адрес Канта, в равной мере могла бы быть отнесена и к Валентину Томбергу(50), который не сумел преодолеть столь типичного для его времени заблуждения См. письмо Томберга от 9 марта 1970 г. в книге Sergej Prokofieff «Die Beziehung des sp?teren Tomberg zu Rudolf Steiner und zur Antroposophie» Dornach, 2003 — прим. перев.). Просто потому, что они могут сказать: да ведь мы же берем за исходное не религию, мы берем за исходное наиболее просвещенного из философов! Но ведь это действительно так, что на Канта с равным успехом мог бы ссылаться как в высшей степени проникнутый догматизмом религиозный учитель, так и какой-нибудь (в светском смысле) просвещенный человек.

Затем Кант написал другие труды, один из них примерно такого содержания: есть ли у метафизики возможности стать в будущем наукой?(50а) — где он снова доказывает, что это невозможно, и так далее. В сущности, надо сказать: вся наука XIX в. переболела Кантом; Кант был, в сущности, болезнью для науки.

Если вы будете рассматривать Канта как пример того, насколько вздорные формы может порой принимать духовное развитие, то вы будете правильно рассматривать его. Но тогда вы скажете себе: в познании надо действительно быть настороже, ибо этот мир устрашающе сильно расположен к тому, чтобы именно в познании производить величайшую бессмыслицу. Вы можете представить себе, в каком затруднительном положении оказывается человек, будучи представителем духовной науки; не только представители религии, но

и другие люди, даже сами философы и те, кто, в свою очередь, увлечены этими философами, — все настроены против него. Любопытный филолист приходит и говорит: да, ты тут что-то утверждаешь о духовной науке, но ведь Кант доказал, так говорят они, что об этом знать невозможно! Это, в сущности, наилучшее групповое возражение, которое можно сделать. Кто-нибудь может сказать: я вообще не желаю слышать о том, что говорит этот Штайнер, потому что Кант уже доказал, что обо всем этом знать невозможно.

Вы удовлетворены?

Господин Бурле говорит: Он-то главным образом хотел когда-нибудь услышать, что имел в виду Кант. А это, как говорил господин доктор: о Канте слышишь так много, но положительного-то в услышанном ничего нет. Во всяком случае, понять это довольно трудно.

Доктор Штайнер: Дело не осталось без последствий. В 1869 году под авторством одного человека, тоже увлеченного Кантом, появилась книга «Философия бессознательного»; эта книга произвела огромную сенсацию. Эдуард фон Гартман(51) поистине был очень умным человеком! Если бы он жил до Канта, если бы Кант не оказал на него такого влияния, то, вероятно, у него получилось бы нечто более значительное. Но он, по существу, так и не смог освободиться от сильных предрассудков, полученных им от Канта. Так же, как и для его предшественника Шопенгауэра, для Эдуарда фон Гартмана было очевидно, что человек ничего не знает ни о чем в мире, кроме своих собственных представлений, то есть того, что он сам проецирует, выносит из себя вовне. Но кроме того, Эдуард фон Гартман принял и учение Шопенгауэра о том, что «вещь в себе» следует наделять волей. Повсюду внутри находится воля. Однажды я написал статью об Эдуарде фон Гартмане(51а), там я также упоминал и о Шопенгауэре. Шопенгауэр говорил так: о «вещи в себе» мы не знаем ничего, от нее мы имеем лишь представления. Лишь эти представления являются разумными, воля же неразумна, глупа. Так что, в сущности, все, что мы о себе знаем, есть не что иное, как знание о неразумной, глупой воле.

В той статье, где я упомянул Шопенгауэра, я тогда говорил: по Шопенгауэру все разумное в мире является трудом человека, ибо человек создает в мире именно все; то, что находится за этим, есть глупая воля. Итак, мир — это глупость божества. Статья, однако, была тогда конфискована. Она должна была быть опубликована в Австрии.

Дело обстоит так: Эдуард фон Гартман считал: «вещь в себе» следует наделять волей; но воля, в сущности, глупа, неразумна, и поэтому в мире так плохо. Вот почему Эдуард фон Гартман стал так называемым пессимистом. Вот почему его воззрением было, что мир никуда не годится, он не хорош, но плох в своей основе, совершенно плох. И не

только то, что делают люди, но и все, что есть в мире, — плохо. Он говорил: можно рассчитать, что мир плохой. Надо только на одну сторону прихода, дебета, поставить все то, что составляет в жизни счастье и удовольствие и так далее, а по другую сторону — все то, что мы имеем как страдания и так далее; по другую сторону всегда оказывается больше. Баланс всегда отрицательный. Следовательно, весь мир плох. Вот почему Гартман и стал пессимистом.

Но, видите ли, во-первых, Эдуард фон Гартман был, в сущности, умным человеком, а, во-вторых, тем, кто делает выводы. Он говорил: почему же люди все еще живут? Почему они не предпочтут уничтожить себя? Ведь если все плохо, было бы куда разумнее назначить день для всеобщего самоубийства человечества; тогда все, что было тут создано, исчезло бы. Но Эдуард фон Гартман продолжает: нет, если назначить такое всеобщее самоубийство, то из этого ничего не выйдет. И даже если бы мы его назначили — люди ведь возникли из животных, а животные не стали бы себя убивать, и тогда из этих животных снова произошли бы люди! Следовательно, подобным образом мы ничего не достигнем. Поэтому он придумывает кое-что другое. Он рассуждает так: если уж хочешь искоренить действительно все, что является земным миром, то надо это делать не путем самоубийства людей, но надо до основания уничтожить всю Землю. Сегодня у нас еще нет необходимых для этого машин; но некоторые машины люди уже изобрели; поэтому надо использовать всю мудрость для того, чтобы изобрести машины, с помощью которых можно пробуровать Землю, забраться достаточно глубоко, а затем, используя динамит или тому подобные устройства, взорвать всю Землю так, чтобы обломки разлетелись по свету и обратились в прах. Вот тогда будет достигнута истинная конечная цель.

А ведь это не шутка, господа! Это действительно является учением Эдуарда фон Гартмана(52) — то, что надо изобрести машину, чтобы всю Землю, так сказать, поднять на воздух, расколоть ее и обратить в прах.

Восклицание с места: В Америке хотят построить пушку, чтобы вести лунный обстрел, обстреливать Луну!

Доктор Штайнер: Однако то, о чем я говорю вам, было настоящим философским учением в XIX веке!

Вы скажете: «Как же могло случиться, что все это исходило от такого умного человека? Ведь только глупец может утверждать подобные вещи!» Нет, Эдуард фон Гартман поистине не был глупцом, он был даже умнее, чем все остальные. Это я вам могу тотчас же доказать. Именно потому, что он был более умен, чем распространяемое Кантом учение, и возникла эта глупость о машине, с помощью которой следовало бы разметать весь мир, обратив его в ничто. Это был вполне умный, хотя и основательно подпорченный Кантом человек.

Итак, он написал «Философию бессознательного». В этой «Философии бессознательного» он сказал: конечно, верно, что люди произошли от животных; но при этом сопутствующую роль играли духовные силы. Эти силы являются силами воли, следовательно, они неразумны, это глупые силы. Все это он описал вполне разумно; тем самым он изобрел нечто, противоречащее дарвинизму.

И вот в то время — представьте себе, ведь это было в шестидесятые годы прошлого (XIX) века, — существовали как эта умная гартмановская «Философия бессознательного», так и дарвинизм, представленный Геккелем(53), Оскаром Шмидтом(53а) и другими, и признаваемый остальными людьми за нечто непревзойденное по уму. Но «Философия бессознательного» противоречила дарвинизму. И вот тогда все, бывшие твердолобыми дарвинистами, выступили и сказали: надо основательно опровергнуть этого Эдуарда фон Гартмана, ведь он вообще ничего не смыслит в естествознании! Но что же сделал тогда Гартман? То, что он сделал, будет ясно из следующего. В то время как другие раздирали горло от крика — имеются в виду печатные издания, публикации, — появилась книга(53б) «Бессознательное с точки зрения дарвинизма». Это было основательнейшее опровержение Эдуарда фон Гартмана с точки зрения дарвинизма! Но никто не знал, кто автор.

Теперь, господа, все естествоиспытатели обрадовались, поскольку выступил тот, кто основательным образом опроверг Эдуарда фон Гартмана. Даже Геккель говорил: «Такого человека, пишущего против Гартмана, — назови он нам свое имя, — мы рассматривали бы как одного из наших, как естествоиспытателя первого ранга!» Само собой, книга была быстро, очень быстро раскуплена, и появилось второе издание(53в); тут автор назвал себя. Это был сам Эдуард фон Гартман! Он написал книгу против самого себя. Но теперь они перестали его хвалить; данная вещь уже не пользовалась такой широкой известностью! Вот так-то он доказал, что был умнее, чем все остальные! Однако видите ли, средства информации, предоставляемой людям, об этой истории умалчивали. Этот кусочек духовной истории следовало рассказать для того, чтобы стало понятно: хотя Эдуард фон Гартман был человеком, которого испортило кантианство, он, тем не менее, обладал основательным умом.

Когда я говорю вам, что он хотел пустить весь мир на воздух с помощью машины, которую следовало изобрести, — мы могли бы с полным правом заметить, что, хотя он, возможно, и был страшно умен, этот Эдуард фон Гартман, но нам-то, не штудировавшим Канта, все это кажется глупостью. Хотя я и изобразил вам Эдуарда фон Гартмана как умного, у вас есть основания полагать, что он, тем не менее, был глуп. В это вам нетрудно поверить. Однако, учитывая последнюю рассказанную историю, вы должны были бы подумать, что те, другие, были еще глупее его; вот тогда бы вы меня порадовали! Ведь вполне

возможно было бы исторически доказать, что те, другие, были еще глупее, чем тот, кто собирался взорвать Землю.

Важно, чтобы человек знал об этих вещах; ведь в настоящее время существует своеобразный культ всего, что напечатано. И с тех пор, как в издании «Универсальной библиотеки» появился Кант — впрочем, я тоже смог прочесть его только благодаря этому, ибо иначе мне бы просто не удалось купить его тогда; хотя книга и была толстая, стоила она дешево, — так вот, с тех пор благодаря Канту черту стало намного вольготнее, потому что с тех пор все читают Канта. Это значит, что они читают первую страницу, но ничего не понимают. Затем они слышат, что Кант является «императором просвещенной, литературной Германии» и думают: черт возьми, ведь и мы кое-что знаем о Канте, значит, мы сами такие же умные люди! Большинство из них таково, что признается себе: «Ведь мне приходится говорить, что я понимаю этого Канта, а иначе другие скажут, что я глуп, так как не понимаю его». В действительности люди не понимают его, но не признаются в этом; они говорят себе: «Я должен понимать Канта, ведь я очень умный. И вот я утверждаю: я понимаю очень умные вещи, если я понимаю Канта!» Тогда это импонирует людям.

Однако действительно, господа, несмотря на то, что было трудно осветить этот вопрос в несколько популярной форме, я, тем не менее, рад тому, что именно этот вопрос был задан, так как благодаря ему становится видно, как протекает так называемая духовная жизнь людей и насколько осторожным должен быть человек, когда на него воздействует то, что привело теперь к такой большой шумихе во всех газетах, шумихе по поводу двухсотлетия со дня рождения Канта. Я не хочу сказать, что Канта не следовало бы чествовать, ведь чествовать будут и других, но, тем не менее, истинное положение вещей таково, как я описал его вам.

Давайте снова поговорим об этом в ближайшую субботу в девять часов.

46, с. 255 — Иммануил Кант (1724—1804), немецкий философ, родоначальник агностицизма.

47, с. 259 — Артур Шопенгауэр (1788—1860), немецкий философ, основной труд «Мир как воля и представление».

48, с. 261 — «Философия свободы» — основной труд Р. Штайнера по философии, 1894 г., ПСС, т. 4.

49, с. 266 — Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646—1716), немецкий философ.

49а, с. 266 — Христиан Вольф (1679—1754), немецкий философ.

50, с. 269 — Валентин Томберг (1900—1973), антропософ, председатель Эстонского Антропософского общества, впоследствии отошел от антропософии, автор многочисленных трудов по оккультизму, герметике и Таро.

50а, с. 270 — ...есть ли у метафизики возможность стать в будущем наукой?.. — см.: Прологомены к любой разумной метафизике, которая могла бы выступать в качестве науки, Рига, 1783.

51, с. 270 — Эдуард фон Гартман (1842—1906), немецкий философ.

51а, с. 271 — ...Однажды я написал статью об Эдуарде фон Гартмане... — «Эдуард фон Гартман. Его учение и его значение». Сначала появилась в ежемесячнике «Немецкое слово» (Вена), 11 выпуск, январь 1891, вторично опубликовано в «Методологических основах антропософии 1884—1901», ПСС, т. 30.

52, с. 272 — ...Это действительно является учением Эдуарда фон Гартмана... — в его «Философии бессознательного», т. 2, Метафизика бессознательного, гл. 14: «Цель мирового процесса и значение сознания».

53, с. 273 — Эрнст Геккель (1834—1919), известный естествоиспытатель.

53а, с. 273 — Оскар Шмидт (1823—1886), зоолог, ученик Геккеля.

53б, с. 273 — ...появилась книга... — (анонимно) «Бессознательное с точки зрения физиологии и учения о происхождении видов. Критика естественнонаучной части философии бессознательного с естественнонаучной точки зрения», Берлин, 1872

53в, с. 274 — ...появилось второе издание... — «Бессознательное с точки зрения физиологии и учения о происхождении видов. 2-е дополненное издание, опубликованное анонимно в 1872 г. книги с приложением: “Исходящая от Оскара Шмидта критика естественнонаучных основ философии бессознательного», Берлин, 1877.

54, с. 278 — ...каждая звезда восходит и снова заходит... — кроме околополярных.

55, с. 279 — Тихо де Браге (1546—1601), датский астроном.

© Издательство «ЭНИГМА», 2004